

ШКОЛА № 101

Учебный год, проведенный в специальной разведшколе с 1 сентября 1952-го по июль 1953 года, — счастливое время молодости. Тогда я начал осваивать «героическую профессию разведчика».

Правда, у нас с женой не было ни квартиры, ни комнаты, ни даже угла (все это называлось в то время более нейтральным словом — «жилплощадь»). Зато в нас жили горячая вера в будущее и надежды на какую-то новую, необыкновенную жизнь. Надежды эти, кстати говоря, в значительной степени оправдались. Жизнь получилась полнокровной, и кое-чего мы в ней достигли.

Итак, школа № 101. 25-й километр налево, если ехать от Москвы по Горьковскому шоссе. Это учебное заведение было создано в 1938 году как Школа особого назначения (ШОН) НКВД СССР. Именовалось оно и Высшей разведывательной школой (ВРШ). А в быту ходило название «25-й километр» или просто «лес». Это и был лес, только огороженный зеленым забором. В лесу стояло несколько деревянных зданий, в которых располагались администрация, учебные аудитории, столовая и общежития. Здесь мы осваивали азы разведывательной профессии, изучали, доучивали и шлифовали иностранные языки и активно занимались спортом. К своему большому удовольствию, в школе я восстановил спортивную форму, потерянную за время пребывания в институте.

Учиться было легко и очень уж необычно по сравнению с институтом. Вдохновляло освоение таинственного предмета — «специальной дисциплины № 1», то есть основ разведки, или, как это называлось иногда более торжественно, разведывательного искусства. Мысль, что мы изучаем то, чего не изучает никто другой, вызывала дополнительный интерес к предмету и повышала сознание собственной значимости. Необычными были и семинарские занятия, во время которых разбирались различные оперативные

ситуации и решались задачи из практики разведывательной деятельности. Конечно, годичное пребывание в школе № 101 не могло вооружить нас такими глубокими знаниями, которые подсказывали бы конкретные решения возникающих разведывательных задач, но оно пробудило устойчивый интерес к профессии, и мы поняли, что нам будет предоставлено широкое поле для проявления инициативы.

Многих из нас мучил вопрос, справимся ли мы с практическими делами, как будем решать главную задачу — приобретение источников информации. Надо сказать, что сомнения эти имели вполне серьезные основания и не всем далась эта профессия в полном объеме. В большинстве своем слушатели были достаточно хорошо подготовлены в политическом отношении, прилично знали литературу и иностранные языки. Были среди нас и опытные уже ораторы, и вообще некоторые слушатели держались довольно уверенно, можно сказать, глядели орлами (молодости свойственно по-красоваться и распушить перья). К тому же подавляющая часть нашего набора имела за плечами по два университета. Я имею в виду армию и фронт плюс высшее учебное заведение (в основном тогда в школу брали людей с гуманитарным образованием). Так что все слушатели школы № 101 обладали каким-то жизненным опытом. Но, как показала практика, этого было мало: разведчиками стали не все. Не у всех гладко пошла работа. Некоторые сразу отсеялись, в том числе и по собственной воле. С течением времени внешне непримечательные слушатели обогнали уверенных в себе эрудитов, бравые на вид и будто созданные для разведки люди оказались на вторых ролях. Короче говоря, состоялись в разведке те, кто объективно, реалистически оценивал собственные возможности и хорошо разбирался в психологии своих иностранных собеседников, люди целеустремленные, настойчивые, очень конкретно мыслящие и цепкие.

Учебных пособий в школе тогда было мало. Возможно, так оно и лучше. Сейчас в нашем институте масса книг и пособий по всем направлениям разведывательной деятельности, и поглощение всей этой литературы может рассеять внимание на частности и сказаться на усвоении полезных практических навыков.

С жадным нетерпением мы ждали выступлений у нас сотрудников разведки, и, хотя не все из них были интересными рассказчи-

ками, на этих людей мы все равно смотрели широко раскрытыми глазами.

Богами разведки нам казались и начальник школы генерал-майор Вячеслав Васильевич Гриднев, и его заместитель генерал-майор Михаил Андреевич Аллахвердов. Оба были плотненькие, небольшого роста и в гражданской одежде выглядели довольно заурядно. Но и тот и другой прожили большую жизнь в разведке, были удостоены многочисленных высоких наград. К сожалению, с нами они общались намного меньше, чем хотелось бы.

В. В. Гриднев в довоенное время работал по линии разведки в Монголии и помогал монгольским коллегам в создании органов безопасности. С начала Великой Отечественной войны он был командиром полка Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), сражавшейся на подступах к Москве и в немецком тылу. С 1942 года Гриднев командовал этой бригадой. Яркой страницей в боевой биографии Вячеслава Васильевича была его работа по подготовке и направлению в немецкий тыл отрядов Медведева, Орловского, Мирковского и Прудникова. Вся эта славная плеяда партизан — Героев Советского Союза прошла, можно сказать, через руки нашего начальника школы. Но об этом мы узнали значительно позже.

Когда было объявлено о смерти Сталина, Гриднев выстроил школу и со слезами на глазах, прерывающимся голосом сказал: «Товарищи! Наша Родина осиротела — умер товарищ Сталин». А в день похорон мы стояли во второй цепочке напротив Мавзолея и в непосредственной близости наблюдали всю траурную церемонию.

Вячеслав Васильевич прожил долгую жизнь — девяносто три года — и до последних дней сохранял связь с внешней разведкой.

М. А. Аллахвердов действовал и как нелегал, и как руководитель легальных резидентур. Особенно хорошо ему были известны наши южные соседи. Около 20 лет с небольшими перерывами он проработал в Афганистане, Турции и Иране. Михаил Андреевич был, если так можно выразиться, интеллектуалом от разведки. Он стал первым начальником созданного в 1943 году информационного отдела разведки, а в школе № 101 являлся заместителем В. В. Гриднева по учебной и научной работе.

С повышенным интересом слушатели школы относились к так называемым практическим занятиям в городе. Это была имитация

встреч разведчика с иностранцем. В роли иностранцев выступали сотрудники разведки, которые составляли потом заключения о том, насколько квалифицированно слушатель провел встречу и беседу.

Не менее интересными были и занятия по наружному наблюдению — «наружке». Предмет для работы нужный и полезный. Научиться выявлять «наружку», которая ведется за тобой, держаться спокойно под наблюдением (установленным или предполагаемым — все равно), уметь оторваться от «хвоста» естественным образом — все это непростая, а главное, крайне необходимая наука. «Наружкой» мы занимались с большим энтузиазмом. Пришлось познакомиться с Москвой с неожиданной стороны. Теперь, на какое-то время, меня уже интересовали не архитектура зданий, не мемориальные доски, не музеи и не магазины, а проходные дворы, места, где легко можно было выявить наблюдение, и здания, улицы и площади, где было удобно «потеряться». До сих пор помню один большой дом где-то позади Елисеевского магазина, который представлял собой здание гостиничного типа с длинными коридорами. По этим коридорам можно было ходить часами, перемещаясь с этажа на этаж, не привлекая ничьего внимания, а выход был на две улицы из нескольких дверей. Очень хороший дом! Подобные здания мы должны были находить сами и использовать их в учебных целях. Несмотря на всю условность занятий по наружному наблюдению, они дали для практической работы больше, чем иные теоретические лекции.

Из преподавателей школы больше всего запомнился мне, да и другим однокашникам, начальник кафедры разведки, бывший сотрудник нелегальной службы полковник Евгений Петрович Мицкевич. С высоты своих шестидесяти лет он поглядывал на нас иронически и покровительственно и любил рассказывать забавные эпизоды из своей оперативной работы. Поражал он нас, в частности, своими заявлениями о том, что может в любое время выехать за границу в качестве иностранного гражданина и немедленно начать торговать мехами. «Могу заниматься и другими видами бизнеса, — уточнял он, — но мехами все же лучше!» И это была чистая правда. Долгие годы провел Мицкевич на нелегальной работе в США, а также в Китае, где основным содержанием работы тогда было получение разведывательной информации о милитаристской Японии.

С Мицкевичем вышел у меня неприятный казус. Мы выполняли письменное задание на тему «Вербовочная комбинация». Давались вводные данные на якобы уже изученного разведкой человека. Требовалось составить план вербовки и описать саму вербовочную беседу. За выполнение этого задания я взялся с большим энтузиазмом, написал пространное сочинение, переполненное второстепенными деталями, и настолько углубился в вопросы оперативной психологии, что Мицкевич, вызвав меня к себе в кабинет для разбора работы, вполне серьезно спросил, не собираюсь ли я этим литературным опусом убедить руководство школы в своей полной неспособности стать разведчиком. Я, естественно, принялся уверять его в обратном. На этом инцидент был исчерпан. Однако в дальнейшем, получая подобные задания, я уже не умствовал и выражал свои мысли проще и короче.

По окончании школы мне посчастливилось познакомиться еще с одним бывшим нелегалом — легендарным Александром Михайловичем Коротковым, награжденным помимо других орденов шестью орденами Красного Знамени. Он прошел путь от электромонтера до нелегала и стал начальником нелегальной службы и заместителем начальника разведки. В первые дни Великой Отечественной войны Коротков, работавший тогда в берлинской резидентуре под «крышей» нашего посольства, обманув полицейских, блокировавших посольство, сумел выйти в город и установить прерванный контакт с широко известной впоследствии агентурной группой «Красная капелла». Этот эпизод, кстати сказать, описан в книге «Страницы дипломатической истории» В. М. Бережкова, который сам принимал активное участие в организации выхода Короткова в город.

С интересом занимались мы и иностранными языками. Здесь также привлекала практическая сторона дела. Мы хорошо отдавали себе отчет в том, что теоретические знания можно будет и наверстать, а вот языком нельзя пренебрегать — на нем ведь сразу придется говорить, а серьезной практики ни у кого еще не было.

Преподавателей арабского языка в школе тогда не имелось, начинать изучать английский сочли для меня нецелесообразным, и я стал продолжать занятия французским. Это несколько облегчило мне жизнь и дало возможность читать, что хотелось или что казалось полезным.

В школе было много преподавательниц английского, французского и немецкого языков. Недавние выпускницы языковых вузов, они казались нам необыкновенно красивыми, нарядными и элегантными. Наверное, они и были такими. 100 будущих разведчиков (а нас было ровно 100 на курсе) весьма заинтересованно обсуждали достоинства (главным образом неязыковые) каждой из них. Случалось, что некоторые из преподавательниц становились женами наших холостых коллег. Так было и раньше, и позже.

А учили они хорошо — язык давали большими порциями, концентрированно, живо и увлекательно. Мы даже пели на уроках. Именно преподавательницы иностранных языков были ближе к нам, чем все остальные, и именно они создавали в школе особый уют и дружную, семейную атмосферу. Здесь же, в школе, зародилась и настоящая профессиональная дружба между многими слушателями, которую мы пронесли через всю жизнь.

Два-три года спустя мы и сами уже выступали в школе с лекциями, беседами, входили в состав экзаменационных комиссий, а некоторые из нас впоследствии стали там преподавателями-воспитателями. Визиты в «лес» всегда доставляли мне радость.

На нашем курсе были свои поэты (Володя Петушков) и свои художники (Сергей Чуканов, который «без отрыва от производства» стал заслуженным деятелем искусств РСФСР). Устраивались концерты художественной самодеятельности, шла активная общественная жизнь.

Большой популярностью у нас пользовалось автодело. Осваивали мы езду на давно списанных «козликах» (газиках), гоня их по лесным дорожкам на территории школы и налетая довольно часто на сосны («Коль на клумбу не заеду, так заеду на сосну» — стихи из местной стенгазеты).

Увлекались мы и бильярдом. В просторном вестибюле перед входом в столовую стоял большой бильярдный стол, у которого всегда толпилась очередь, и пробиться к нему было трудно, да и выкроить время в течение дня для игры было практически невозможно. Тогда мы с одним моим другом вступили в «преступный сговор» со сменным поваром, который заступал на работу с вечера и готовил завтраки. Поздно вечером, когда все уже готовилось ко сну, мы давали повару условный сигнал и он открывал нам дверь, которая тут же запиралась изнутри. Проверялось,

плотно ли задернуты шторы на окнах, и начинались многочасовые баталии по принципу «навылет». Все трое играли примерно в одну силу, что повышало азарт и остроту схватки. Когда выпадало играть нам с другом, повар уходил к своим котлам, что-то туда засыпал, что-то добавлял, помешивал и вскоре возвращался, чтобы сразиться с победителем.

Приходили мы в общежитие под утро с соблюдением всех необходимых мер предосторожности и засыпали на два-три часа. На этом этапе службы в разведке провалов у нас не было — тайна ночных бдений оказалась нераскрытой, а отсыпались мы уже спящей ночью.

Быстро пролетело время учебы. Подошли выпускные экзамены. Особо запомнился экзамен по «специальной дисциплине № 1». Была суббота — рабочий тогда день. Я успешно сдал экзамен и, радуясь, что сбросил с себя этот груз, позвонил на работу жене, чтобы условиться о встрече вечером и договориться, как и где провести время в воскресенье. Жена, не слушая моих вопросов, взволнованно сообщила, что у них сегодня во всех кабинетах сняли портреты Берии. Я, насквозь пропитанный идеями бдительности, конспирации и осторожности, не стал дальше говорить на эту опасную тему и попытался уточнить место встречи. Затем подошел к классу, где продолжались экзамены, и на время забыл о разговоре с женой. Вдруг из класса вышел сконфуженный, красный как вареный рак слушатель и заявил, что его непонятно почему выгнали с экзамена. А это был наш секретарь партбюро и старший по званию — один из двух учившихся на курсе майоров. Мы начали расспросы, что и как. Потерпевший рассказал, что на первый вопрос по теории разведки ответил уверенно и бодро, на второй — практическая задача — также дал правильный ответ, затем с большим воодушевлением стал отвечать на третий, а экзаменаторы почему-то затопали ногами, замахали руками и прогнали его вон. Сообразив кое-что, я спросил: «Что был за вопрос-то?» Парторг ответил: «Очень хороший вопрос, бесприигрышный: “И. В. Сталин и Л. П. Берия — создатели и руководители советских органов безопасности”». На это сообщение я со знанием дела ответил: «Ты не беспокойся... Твоей вины тут нет... Дело в том, что сегодня утром в министерстве сняли портреты Берии». Все начали глубокомысленно чесать затылки и обсуждать эту сногшибательную информацию.

После ареста Берии в системе госбезопасности начались обычные в таких случаях увольнения, сокращения, реформы, неопределенности, и многие из нас оказались на длительный период в подвешенном состоянии, без должности и без работы.

Да, школа № 101 навсегда осталась в памяти как место светлое и даже счастливое. Все мы были молоды, здоровы, преисполнены надежд, а заряд положительных эмоций нам давали сознание обретенной необычной и почетной профессии и ясность жизненного пути. Наивные, конечно, были мысли. Стезя оказалась тернистой, а для некоторых вообще непроходимой. Кое-кому пришлось сойти в начале дистанции или пройти лишь часть ее. Но большинство моих однокашников стали настоящими разведчиками и отдали по меньшей мере по три десятка лет любимому делу.

О ТЕХ, КТО БЫЛ РЯДОМ В НАЧАЛЕ ПУТИ

Школу № 101 я окончил в тот момент, когда в разведке начались очередная реорганизация и сокращение кадров. Однако меня все-таки приняли на работу и даже зачислили в куцый штат восточного отдела ПГУ, поскольку требовался новый человек для отправки в Каир.

Люди шатались без дела, ждали решения своей судьбы, играли в шахматы, рассказывали анекдоты и придумывали друг про друга озорные двустушия. Именно тогда, жадный до новых людей и впечатлений, я познакомился и быстро сошелся со многими сотрудниками отдела. Люди необычной и загадочной, на мой тогдашний взгляд, профессии, они казались мне чрезвычайно интересными, тем более что у многих за плечами уже был разнообразный опыт разведывательной работы. В первый же день я познакомился с Викентием Павловичем Соболевым, Яковом Прокофьевичем Медяником, Иваном Ивановичем Зайцевым и Павлом Ефимовичем Недосекиным, бок о бок с которыми и проходила впоследствии моя работа в разведке.

О жизни и работе разведчиков у нас писали и пишут мало, за исключением тех редких случаев, когда дело касается репрессированных в своем отечестве или севших за решетку в чужом государстве. О людях же, которые на крайне нервном пределе в течение 30–40 лет добывали информацию для своего государства, прошли через многочисленные войны, перевороты и кризисы и при этом еще остались в живых, не написано почти ничего. Чтобы восполнить этот пробел, расскажу немного о своих коллегах, друзьях, о своих первых начальниках.

Первым моим резидентом и учителем был Викентий Павлович Соболев. Наша жизнь в разведке очень тесно переплелась. Дружили мы и семьями. К моменту нашего знакомства он уже несколько лет успешно проработал в Египте и снова собирался туда. В. П. Соболев

был всесторонне подготовленным профессионалом-разведчиком. С равной охотой и умением он занимался проведением оперативных мероприятий, включая всю черновую и подготовительную работу, и информационной деятельностью, которую многие недолюбливали, считая слишком нудным занятием.

В Египте он, казалось, знает всех и вся. Если со своими соотечественниками Викентий Павлович сходил иногда довольно туго, то с египтянами и арабами вообще у него мгновенно устанавливался контакт, возникала взаимная симпатия. Нам, начинающим, очень импонировали его напористость, бесстрашие и изобретательность в разведывательных делах. Мы переняли у него много полезного и всегда завидовали его блестящему знанию арабского и французского языков, а также необыкновенной быстроте и легкости при составлении информационных телеграмм. Сколько же он написал их за свою оперативную жизнь четким и красивым почерком! О знании им обстановки, о его тонком политическом чутье, даре предвидеть события свидетельствует хотя бы то, что, услышав сообщение о национализации Суэцкого канала, Викентий Павлович сразу сказал обеспокоенным и не допускающим возражений тоном: «Будет война!» И мы стали готовиться к войне. В 1962 году нам с В. П. Соболевым удалось вместе проработать несколько месяцев в Тунисе, где главной задачей было оказание помощи алжирской революции.

Проведя много лет в разных арабских странах, Викентий Павлович стал заместителем начальника разведки по району Ближнего Востока и Африке, и, когда ему присвоили звание генерал-майора, мы шутили: «Викентий Павлович, вы единственный в мире генерал-майор со знанием арабского языка, не считая самих арабов!» После работы в Нью-Йорке у Викентия Павловича начались проблемы со здоровьем, и он рано, где-то сразу после своего 50-летия, ушел на пенсию, к нашему большому сожалению.

Яков Прокофьевич Медяник, в отличие от В. П. Соболева, поставил своеобразный рекорд. Свое 70-летие он отпраздновал на посту заместителя начальника разведки, а на пенсию ушел не потому, что состарился, а лишь потому, что о его возрасте все время напоминал календарь. Человек живого ума, чрезвычайно общительный и испытывавший постоянную тягу к людям, он всегда был переполнен разнообразными идеями и предложениями, направленными на совершенствование нашей работы. От долгой службы сначала

в пограничных войсках, а затем в разведке в его памяти сохранилась масса воспоминаний об интересных людях, событиях, ситуациях. Если бы он решился на написание мемуаров, это было бы увлекательное чтение.

В момент моего знакомства с Яковом Прокофьевичем в 1953 году он вторично собирался на работу в Израиль, на этот раз в качестве резидента. В те годы в Израиле самыми распространенными языками были русский и украинский, и у нашего выходца из-под Полтавы не было никаких языковых проблем. Дела у него там шли хорошо, а начало деятельности было ознаменовано любопытным фактом. По прибытии в Тель-Авив передовой группы посольства в 1954 году (после восстановления дипотношений) все израильские газеты вышли с броскими заголовками примерно следующего содержания: «Приезд в Израиль господ Медяника и Симеошкина — лучший праздник в жизни еврейского народа». Нечего и говорить, что, когда до нас доходили сообщения ТАСС, мы зачитывались этими строками.

В характере начальников всех рангов редко гармонично уживаются деловая хватка, доброта и любовь к людям, а в Медянике все это сочеталось самым естественным образом. Поэтому ему без колебаний вверялись судьбы людей и руководство большими коллективами. После возвращения из Израиля и работы в Центре Яков Прокофьевич возглавлял резидентуру в Афганистане (во времена королевского режима), потом — ближневосточный отдел ПГУ, а затем был резидентом в Индии, после чего много лет занимал должность заместителя начальника разведки по району Ближнего Востока и Африке.

Медянику всегда удавалось договориться с самым трудным собеседником, и отказать ему в его просьбе было невозможно. Начинал он обычно так: «Я ведь хохол, значит, человек хитрый и все равно вас обману». И он действительно в одном месте заполучал нужного ему работника, в другом — средства на финансирование какого-либо мероприятия и тому подобное. Любил он застолье такое, чтобы можно было попеть и повеселиться от души, поэтому, очевидно, и сохранил до преклонных лет светлый ум, интерес к жизни и удивительное обаяние.

Иван Иванович Зайцев, фронтовик, боевой офицер, после войны продолжал службу в армии, а затем был направлен в разведку

и долго не мог привыкнуть к новым порядкам. Был он в то время ростом и телосложением, оканьем и пышными усами похож на молодого Горького. Любил и ценил шутку и в любой момент был готов отреагировать на острое словцо или соленый анекдот. Однажды по ходу дела я рассказывал ему что-то забавное, и он громко расхохотался, позабыв, что сидит в президиуме, в большом конференц-зале, на важном совещании.

Ивану Ивановичу пришлось работать в разных районах мира, но основные свои силы и опыт он отдал разведывательной работе в ФРГ. Там он сформировался как руководитель и, возвратившись из Бонна, стал начальником Краснознаменного института имени Ю. В. Андропова. Более удачную кандидатуру на эту должность трудно было подобрать: доброжелательность, терпение, знание людей, богатый личный опыт разведывательной работы, добрая ирония — все это давало Ивану Ивановичу право быть воспитателем и самих воспитателей, и многочисленных слушателей. Любой, кто окончил наш институт в период пребывания И. И. Зайцева его начальником, обращаясь к годам своей учебы, в первую очередь вспомнит, конечно, Ивана Ивановича, его мудрые советы и душевную щедрость. Работал он, можно сказать, до последнего дыхания и, несмотря на тяжелую болезнь, был преисполнен оптимизма и планов на будущее.

Павел Ефимович Недосекин был постарше остальных, но долгое время глядел орлом, и угадать, сколько ему лет, было трудно — никто не давал ему его истинного возраста. А биография у него была самая что ни на есть героическая. Один собеседник как-то спросил меня: «Неужели это тот самый Недосекин?» — «Какой тот самый?» — «Тот, о котором уже в начале войны в Орловском управлении НКВД рассказывали легенды. С группой бойцов он несколько раз переходил линию фронта, устраивал переполох в тылу у немцев, добывал нужную информацию и успешно возвращался назад». Это был действительно тот самый Недосекин. Всю войну он провел так же, как начал. Несколько раз его сбрасывали с парашютом в белорусские леса, где он воевал в качестве заместителя командира партизанского отряда по разведке, а позднее и сам стал командиром одного из отрядов. Так что разведчиком Недосекин был, можно сказать, с начала своей трудовой деятельности и прошел путь от разведчика в лесах и болотах до разведчика внешнеполитического, многократного резидента в странах Африки и Ближнего Востока.

У красивого и статного, на всю жизнь сохранившего военную выправку Павла Ефимовича была столь же красивая, притягивавшая взгляды жена Евгения Федоровна, которую он вывез из тех же белорусских лесов. Там, в партизанской республике, они встретились, вместе воевали и полюбили друг друга. Тяжелые годы войны не прошли бесследно — и Евгения Федоровна, и Павел Ефимович рано ушли из жизни через мучения и страдания.

Первые свои шаги во внешней разведке Недосекин сделал в послевоенные годы в Эфиопии, где тогда не ставились задачи глобального характера. Из его эфиопской эпопеи известен такой случай. Ехал как-то Недосекин по скверной эфиопской дороге. Неожиданно на дорогу выскочил местный житель. Какие-то доли секунды водитель пытался избежать столкновения, но не удалось. Эфиоп погиб, машина закончила свою жизнь в кювете, Недосекин остался, как говорят в таких случаях, чудом жив. А какова же была реакция Центра? Года два спустя мне показали написанную синим карандашом резолюцию заместителя министра госбезопасности А. И. Серова по этому делу: «Стоимость машины взыскать: половину — с эфиопа, половину — с Недосекина». Понятно, что эфиоп уже ничего не мог заплатить по объективным причинам, а Павла Ефимовича спасли от уплаты начавшиеся реорганизации (некому было следить за исполнением «синих» резолюций).

Войны и потрясения так и не отпустили от себя П. Е. Недосекина — большую часть жизни ему пришлось работать в беспоконных арабских странах в тревожные времена. Он никогда не терял присутствия духа и чувства юмора, выглядел всегда так, будто собрался идти на официальный прием, обладал даром подмечать всякие забавные ситуации и рассказывал о них с большим мастерством. В последние годы он работал в нашем аппарате в Чехословакии. Там тяжело заболела Евгения Федоровна — рак мозга... и мучительная смерть. Утрата жены подкосила Павла Ефимовича. Спустя несколько месяцев ему самому ампутировали ногу — прямое следствие пребывания во время войны в лесах и болотах. И пока мы хлопотали о хорошем протезе в Чехословакии (до чего же тяжела и не устроена наша жизнь: герой войны, награжденный боевыми орденами, многократный резидент внешней разведки, имеющий все виды льгот полковник ждет долгие месяцы, сидя на балконе своей квартиры, решения о про-

тезе), встал вопрос об ампутации и второй ноги. Вскоре после операции он скончался.

Кроме этих близких мне людей в первые дни работы в разведке я познакомился и с тогдашними руководителями отдела. Сначала меня повели к заместителю начальника Василию Иосифовичу Старцеву, а вместе с ним мы уже пошли к начальнику отдела Владимиру Ивановичу Вертипороху. Владимир Иванович объявил мне, что есть нужда в срочной посылке оперативного работника в Каир и что после непродолжительной подготовки в отделе мне нужно будет выехать в Египет.

В. И. Вертипорох был, наверное, самым видным и интересным мужчиной в разведке. Очень высоким ростом (без малого два метра), могучим телосложением, светлыми курчавыми волосами, ухоженными усами, улыбчивым лицом он напоминал картинного былинного богатыря — какого-нибудь Микулу Селяниновича. Сразу возникла мысль: как же такой мужик может скрыться от «наружки»?

Владимир Иванович работал в Иране и Израиле, а после пребывания в Центре был послан старшим советником по вопросам безопасности в Китайскую Народную Республику. Там он, наверное, выглядел Гулливером. Мне недолго пришлось с ним работать, но каждый приход к нему в кабинет оставлял ощущение удовлетворения и радости. «Повезло с начальником», — думалось мне. Из общения с ним особо запомнились два случая.

В один из первых дней моей работы Вертипорох поручил мне написать телеграмму по какому-то оперативному вопросу. Я еще не был допущен к шифропереписке и не знал, как пишутся телеграммы. По своему разумению, руководствуясь принципом экономии слов и места, я написал ее как обычную телеграмму — без предлогов и знаков препинания, без употребления падежей, с минимумом глаголов и существительных. Владимир Иванович очень долго смеялся, а я растерянно стоял, не понимая, в чем дело. Выяснилось, что телеграммы надо писать обычным языком, без всяких сокращений, чтобы все было понятно. Моя же телеграмма не поддавалась ни зашифровке, ни тем более расшифровке.

Второй раз я направился к нему сам и попросил выдать мне положенное табельное оружие. Дело в том, что в 1953 году из мест заключения по массовой амнистии была выпущена целая армия уго-

ловников, и в Москве начались грабежи и бандитские нападения, а на московских окраинах под вечер даже слышалась стрельба. Мы с женой в это время снимали комнату на окраине, в деревне Черкизово, куда поздно вечером было страшно возвращаться. Владимир Иванович стал мягко уговаривать: «Зачем вам пистолет? Подстрелите кого-нибудь, а потом не отвертитесь. А вы мне нужны в Каире. Не дам я вам пистолета, и не обижайтесь». Вскоре Вертипорох ушел из отдела, а затем уехал в Китай, где и умер. Сердцу было трудно поддерживать такое большое тело.

Василий Иосифович Старцев был, в противоположность Вертипороху, небольшого роста, и красавцем его никак нельзя было назвать. Это внешнее несоответствие и сыграло роковую роль в служебной расстановке руководящего состава отдела.

Придя после смерти Сталина, в марте 1953 года, к руководству органами государственной безопасности, Берия объединил под своим началом МГБ и МВД в Министерство внутренних дел. В период с марта до своего ареста 26 июня 1953 года он успел отозвать из командировок практически всех резидентов якобы для отчета. Арест Берии и последовавший за ним новый период нестабильности поставили под вопрос судьбу отозванных резидентов. Акция с вызовом резидентов была неоправданной с любых позиций. Во-первых, их массовый отъезд привел к ослаблению практической деятельности резидентур; во-вторых, он, по существу, расшифровал резидентов как разведчиков; в-третьих, вызвал недоумение и нервозность в самом аппарате разведки. Следовали вопросы: как? что? зачем? В обвинительном заключении по делу Берии эта его акция квалифицировалась как вредительская, направленная на срыв работы разведки.

В числе отозванных был и резидент в Израиле В. И. Вертипорох. Он успел попасть к Берии на прием. Пришел к нему в сопровождении начальника восточного управления и начальника отдела этого управления В. И. Старцева. Заслушав доклад резидента и выразив свое удовлетворение его работой, Берия отпустил Вертипороха и Старцева и спросил у исполнявшего обязанности начальника управления А. М. Короткова: «Кто Вертипорох по должности и как вы намерены его использовать?» — «Мы планируем его на должность заместителя к Старцеву». Берия поморщился и сказал: «Как же так? Этот — такой красивый, такой представительный, со свежим

опытом оперативной работы, а тот — совсем невыразительный, невидный такой... Давайте сделаем наоборот!» Когда я пришел в отдел в сентябре 1953 года, расстановка «наоборот» уже действовала, что не добавило оптимизма и благодушия Василию Иосифовичу Старцеву.

В. И. Старцев, или, как его все звали за глаза, дядя Вася, был тоже человеком выдающимся. В дальнейшем он много лет являлся начальником отдела, который занимался Дальним Востоком и Юго-Восточной Азией, а затем стал заместителем начальника разведки по кадрам. Старцев, несомненно, был самым сильным начальником отдела, цепким и решительным. Сотрудников своих он в обиду никому не давал, и все остальные начальники знали, что со Старцевым лучше всего не связываться — его не переспоришь. Язык у Василия Иосифовича был как острая бритва, а иногда и как ядовитое жало. Его афоризмы оперработники повторяли долгие годы, и даже сейчас, спустя четверть века после его ухода со службы, нет-нет да кто-нибудь из старослужащих и вспомнит: «А вот дядя Вася сказал по аналогичному случаю...»

За невыполнение заданий в установленные сроки Старцев устраивал строгие выволочки, и некоторые работники из робкого десятка его просто боялись. Один из них, как только получал вызов на доклад к Старцеву, начинал дрожать и заикаться. Оправдываясь за невыполнение какого-то задания, он сказал заплетающимся языком:

— Иосиф Виссарионович, я просто физически не успел это сделать!

Ответ был точен и афористичен:

— Если бы я был Иосиф Виссарионович, я сидел бы не здесь, а в Кремле. А если вы не успеваете сделать что-то физически, то впредь делайте это химически, но выполняйте все в срок!

Много лет спустя после этого случая мы с Яковом Прокофьевичем Медяником и Павлом Ефимовичем Недосекиным повстречали дядю Васю. Медяник и Недосекин только окончили Высшую дипломатическую школу и ожидали назначения на должность. Желая доставить приятное Старцеву, они несколько игриво обратились к нему: «Василий Иосифович, возьмите нас к себе в отдел. Мы хотим работать с вами!» Старцев, изобразив ухмылку (эта кривая усмешка в наших кругах называлась антисоветской), бросил:

«Да... возьми вас в отдел — вы тут же сгоните меня со стула и сами на него сядете!» — и ушел, помахав рукой.

Еще одна колоритная личность — Иван Васильевич Вирюкин. Он производил неизгладимое впечатление своей манерой держаться с большим достоинством и библейской внешностью — четкий профиль темного лица, большие печальные глаза, борода с проседью. Иван Васильевич был к тому же крупным специалистом в вопросах мировых религий. Лучшей модели для портрета какого-нибудь апостола и искать не надо было. К моменту нашего знакомства Вирюкин вернулся уже из третьей долгосрочной заграничной командировки, и представлялось, что он уже все на свете знает и все ему уже порядком надоело.

Однажды он, видя, как я судорожно листаю оперативные дела и одновременно что-то выстукиваю на пишущей машинке, многозначительно изрек: «Вот ты весь сейчас полон энергии, с восторгом готовишься к первой командировке. Все тебе интересно, все волнует, до всего есть дело. Но попомни мои слова: ко второй командировке ты будешь много тяжелее на подъем, появятся проблемы — вещи, дети, то да се, в третью тебя уже будут выталкивать ногами, а ты будешь изо всех сил сопротивляться». Не скажу, что все получилось по этой схеме, но в целом замечание Ивана Васильевича было очень метким.

Как это ни удивительно, я помню абсолютно всех сотрудников отдела, работавших в нем в пору моего появления на службе. Первые впечатления были настолько глубокими, что крепко отложились в памяти. Впоследствии дело уже обстояло по-другому...

УШЕДШИЕ ДРУЗЬЯ

1 сентября 1947 года начался мой первый учебный год на арабском отделении Московского института востоковедения, который находился в Сокольниках, в Ростокинском проезде.

Здание института казалось большим, светлым и относительно новым. Построено оно было специально для Московского института истории, философии и литературы, который просуществовал с 1931 по 1941 год. Здесь приобретали гуманитарные знания люди, которые впоследствии составили ядро советской партийной и научной элиты. Позднее этот институт слился с МГУ, а здание было отдано востоковедам.

Недавно я проезжал мимо него и с грустью разглядел за разросшимися деревьями какое-то захудалое строение. Здание обветшало, почернело и уже не вызывало тех радостных эмоций, как в далекие послевоенные годы.

В нашей арабской группе было 16 человек, в том числе только что окончившие школу четыре девочки — одна из них стала на втором курсе моей женой. А из 12 ребят 11 недавно демобилизовались из армии после участия в Великой Отечественной войне. Все они носили шинели, сапоги, гимнастерки, кителя, брюки галифе, некоторые даже продолжали щеголять в армейских фуражках.

Каждый заслуживает отдельного очерка, но я хочу рассказать об одном из тех, кто после окончания института попал, как и я, на работу в разведку и остался в ней до конца.

Из нашей команды бывших фронтовиков своей подтянутостью, стройностью и молодцеватостью выделялся Саша Оганьянц, недавний старший лейтенант, командир батареи знаменитых «катюш». Офицерская форма сидела на нем великолепно, и к тому же ее украшал орден Отечественной войны, который он носил с гордостью и видимым удовольствием.

С Сашей мы вместе проучились пять лет в институте, год — в 101-й Высшей разведывательной школе, попали в один и тот же восточный отдел Первого главного управления КГБ и почти одновременно оказались на работе «в поле», в одной из важнейших в то время резидентур — в Египте.

Отношения СССР с арабским миром в тот период бурно развивались, открывались новые посольства и резидентуры, и Сашу прямо из Египта перевели резидентом в королевский Йемен. Впоследствии он побывал в качестве резидента также в Иордании и Южном Йемене.

То, что он уже в начале своей оперативной деятельности стал резидентом, говорит само за себя. Резидент в разведке — это главная должность, достичь которой удастся далеко не каждому. Куда легче стать каким-нибудь начальником в Центре.

Одним из свидетельств политической дальновидности Оганьянца является его оценка тогда еще молодого иорданского короля Хусейна как опытного, мудрого и рационального политика. Такие суждения Саша высказывал в своих телеграммах в то время, когда у нас бытовало пренебрежительное отношение к этому монарху, его считали марионеткой и чуть ли не платным агентом Вашингтона и Лондона.

Мой друг оказался прав. Со временем короля Хусейна стали уважать и в Москве. Он умело выходил из самых затруднительных и даже отчаянных ситуаций и, вступив в 17-летнем возрасте на престол в 1952 году, сохранял власть вплоть до своей смерти в 1999 году. Мне не приходилось встречаться с королем Хусейном, но я был знаком с его первой женой, королевой Диной. К сожалению, развить знакомство с этой милой, симпатичной и образованной дамой в интересах советской внешней политики не удалось.

На протяжении всего нашего знакомства и многолетней дружбы с Оганьянцем мне всегда хотелось задать ему один вопрос: «А правильно ли ты поступил, что выбрал себе профессию востоковеда-арабиста и разведчика? А не лучше ли тебе, Саша, было пойти на эстраду?» Этот, так и не заданный вопрос, имел под собой самые веские основания. Да и вообще, много ли есть на свете людей, совершенно сознательно избравших себе профессию или нашедших мужество круто изменить свой жизненный путь в поисках истинного призвания?

Если бы он пошел в эстрадные артисты, то наверняка стал бы звездой первой величины. Живое лицо, богатая мимика, удивительная способность копировать язык и жесты людей, умение находить смешное и оригинальное в обыденном, способность сочинять на ходу анекдоты — все это притягивало к нему людей, делало его популярным человеком и желанным гостем в любой компании. Причем Саша не пересказывал услышанные смешные истории, а главным образом придумывал их сам, черпая материал из своей богатой биографии, из общения с окружающими, из тайников своей буйной фантазии. При всем этом он был крайне самоироничен и не стеснялся представить себя в самом смешном виде.

В Московский институт востоковедения Оганьянц попал не в силу каких-то убеждений и долгих исканий, а потому, что здесь в качестве инженера-строителя работала его мать Федосья Николаевна, истовая партийка, комиссар времен Гражданской войны. Она ему и посоветовала вступить на востоковедческую стезю, а поскольку он был женат на своей боевой подруге, однополчанке Марии Васильевне, и уже имел ребенка, то Федосья Николаевна выхлопотала ему и жилье в преподавательском общежитии, в доме, замыкавшем тогда Сретенский тупик.

Дом этот легендарный. Иногда мы ходили туда к нашим преподавателям на занятия и консультации. Дом был густо заселен разношерстными людьми, почему-то с очень беспокойными характерами. Наиболее колоритную часть его составляли выходцы с Востока, в том числе и палестинские арабы, и, конечно, «лица кавказской национальности». Короче, настоящая «Воронья слободка» из бессмертного творения Ильфа и Петрова «Золотой теленок» с вечной враждой, склоками и даже драками. Будучи секретарем партийного бюро института, я однажды провел почти все лето в Москве, сопровождая поочередно жильцов этого дома на заседания партийной комиссии МГК ВКП(б). А поскольку все наши склоки и дрязги на почве жилищной неустроенности сопровождались, как правило, и политическими обвинениями, то за нашими делами пристальным оком наблюдал сам Матвей Федорович Шкирятов, тогдашний заместитель председателя Комиссии партийного контроля. Много крови мне попортил этот Сретенский тупик!

Федосья Николаевна, проявив недюжинный инженерный талант, комиссарскую настойчивость и дьявольскую пробивную силу,